

Романова Екатерина Александровна

Культурные стратегии КНР как инструмент обеспечения национальной безопасности страны в конце XX – первой четверти XXI вв.

Специальность 5.6.7.

«История международных отношений и внешней политики»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Работа выполнена на кафедре зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»)

Научный руководитель: **Мирзаханов Велихан Салманханович**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Лычагин Александр Иванович**
доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», кафедра восточных языков и лингвокультурологии, заведующий

Дацьшен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет», кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций, профессор

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт востоковедения Российской академии наук» (ИВ РАН)

Защита состоится «19» сентября 2025 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.01 по историческим наукам, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет». Адрес: Миусская пл., д. 6, Москва, 125047.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу:
https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Romanova_EA_231.pdf

Автореферат разослан « » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Барышева Елена Владимировна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Одним из ключевых участников системы международных отношений в настоящее время выступает Китай. Это определяет устойчивый интерес научного сообщества к различным аспектам деятельности Китая на международной арене, к его внешней политике, к средствам и методам обеспечения Китаем собственной национальной безопасности.

Стремительно нарастив свой экономический потенциал в последние два десятилетия XX в., в первой четверти XXI в. Китай уже не ограничивается ролью главной «фабрики мира» и уверенно превращается в глобальную державу. В новых исторических условиях интересы Китая начинают распространяться далеко за пределы его национальных границ, причем речь идет не только о поиске новых рынков для сбыта его промышленной продукции, но и о выработке стратегий, позволяющих обеспечить желательный для Китая баланс сил на международной арене и гарантировать его национальную безопасность как в АТР, так и в других частях мира.

Осваивая статус глобальной державы, Китай объективно вынужден действовать, как и другие глобальные игроки, такие, как США, Евросоюз и Россия, которые, хотя и с разной степенью эффективности, используют все виды стратегий продвижения своих интересов на международной арене. С одной стороны, опираясь на свой колоссальный экономический потенциал, Китай наращивает военную и военно-морскую мощь и все активнее проецирует ее вовне, прежде всего в акватории западной части Тихого океана. С другой стороны, он пытается конвертировать свой потенциал в стратегию «мягкой силы» и расширить собственное культурное влияние далеко за пределами Поднебесной.

Несмотря на устойчивый интерес научного сообщества к изменяющемуся поведению Пекина на международной арене, далеко не все аспекты этого поведения проанализированы в достаточной мере. В то время как китайские стратегии «жесткой силы» уже довольно давно находятся в поле зрения специалистов в области геополитики и международных отношений, культурные стратегии (=стратегии культурного влияния) Китая вышли в центр внимания ученых лишь в самое последнее время параллельно с тем, как усилилась их роль во внешней политике Китая и как она была артикулирована новым политическим руководством КНР.

Помимо того, что изучение культурных стратегий Китая на международной арене все еще остается для научного сообщества достаточно новым делом, свое влияние на это продолжают оказывать и укоренившиеся в российской науке западно-центричные подходы

и модели мышления. Так, в изучении культурных стратегий Китая и его политики «мягкой силы» продолжают сохраняться стереотипы, характерные для анализа аналогичных стратегий западных стран, использующих в качестве инструментов культурного влияния главным образом продукцию глобальных корпораций, таких, как Netflix, Google, Microsoft и другие. Однако культурные стратегии Китая зачастую реализуются иными способами. Китай не обладает возможностями влиять на остальной мир через продукцию глобальных корпораций (едва ли не единственной среди таковых была китайская Huawei). Вместо этого он продвигает свои институты популяризации китайского языка (Институты Конфуция), рассказывает о достижениях китайской цивилизации через сети экспертно-аналитических центров «нового типа» и пропагандирует концепцию «сообщества единой судьбы», составляющую ядро его новой внешнеполитической риторики.

Поведение Китая на международной арене во многих аспектах похоже на поведение других глобальных держав, но при этом обладает уникальной спецификой. Китай не может в чистом виде использовать чей-либо исторический опыт и действует, исходя из имеющихся у него возможностей. Он опирается на опыт собственной цивилизации и смотрит на остальной мир с собственной точки зрения. Понять, как это происходит и к чему ведет, является актуальной научной задачей.

Китай не может обеспечить свою национальную безопасность с помощью инструментов «мягкой силы», двигаясь тем же путем, что и другие глобальные игроки, поэтому в изучении глобальных стратегий Китая важно делать акцент именно на китайском подходе к решению этой задачи. Актуальность данного исследования заключается в анализе и характеристике этого особого подхода к вопросу о том, как защищать свои интересы и обеспечивать свою национальную безопасность в условиях, когда чужие модели поведения являются непригодными.

Историография исследования и степень изученности проблемы.

Литературу, посвященную вопросам обеспечения национальной безопасности Китая и использования Китаем стратегий культурного влияния на международной арене, можно разделить на тематические блоки по языковому принципу.

Первая группа включает в себя фундаментальные работы по истории Китая, в которых рассматриваются такие вопросы, как хозяйственное развитие, управление, культура, международные связи и т.д.

В отечественной литературе важное место занимает 10-ти томная коллективная монография «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» под редакцией

академика С.Л. Тихвинского. Перед авторами монографии стояла задача дать исчерпывающий обзор многотысячелетней истории китайской цивилизации, затронув все наиболее важные аспекты ее развития. В исследованиях О.Е. Непомнина «История Китая. Эпоха Цин» и «История Китая. XX век» дано систематическое изложение хода китайской истории с XVII по XX вв., которая характеризуется цикличностью периодов упадка и процветания. Наиболее заметное распространение культурного влияния Поднебесной приходится на часть эпохи Цин и период модернизации, начавшийся после 1978 г. Заметное место среди современных исследований занимает коллективная монография под редакцией А.Д. Воскресенского «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы», в которой целый раздел посвящен внешней политике КНР, использованию стратегий «мягкой силы», а при оценке культурного развития Китая внимание фокусируется на конфуцианстве, как на инструменте форматирования самоидентификации Китая в политическом курсе Си Цзиньпина. Среди исследований отечественных авторов можно отметить работы Е.П. Бажанова, А.С. Мартынова, Д.И. Маякова, Н.А. Спешнева, В.В. Соболяникова и др., в которых обсуждаются особенности национальной психологии китайцев, менталитета, специфика вербальной и невербальной коммуникации и т.д.

Фундаментальные исследования по истории Китая в рамках зарубежной литературы, как западной, так и китайской, затрагивающей интересующие нас вопросы весьма многочисленны. Среди трудов западных авторов, позволяющих получить наиболее общие представления о трансформации китайских подходов к обеспечению национальной безопасности на протяжении последних столетий, в особенности в XX в., особое место продолжает занимать работа Генри Киссинджера «О Китае». В ней помимо прочего обсуждаются конфуцианские истоки китайской внешней политики, стратегия умиротворения варваров через демонстрацию культурного превосходства, внешнеполитическая доктрина Вэй Юаня об «использовании варваров против варваров», а также история выстраивания Китаем отношений с другими глобальными державами — СССР/Россией и США.

Схожие сюжеты рассматриваются и в книгах китайских авторов. В их числе следует отметить «Очерк национальной истории» Цянь Му, в которой подчеркивается, что при решении проблем обеспечения национального суверенитета и безопасности следует опираться на китайскую культурную традицию. Автор «Очерка китайской истории» Чжан Иньлинь приходит к аналогичным выводам, а также «Сборник всеобщей истории Китая»

Фань Вэньляня, который связывает вопросы культурного влияния Китая на остальной мир с историей политических и военных успехов этой страны.

Ко второй группе исследований могут быть отнесены работы, посвященные проблематике китайской внешней политики, стратегическим (оборонным) доктринам Китая, методам долгосрочного планирования китайской линии поведения на международной арене.

Среди работ российских историков значительный интерес представляет монография Ю.М. Галеновича «Глобальная стратегия Китая», в которой отмечается, что китайская внешняя политика определяется из одного центра, что она планируется на десятилетия и столетия, охватывает сферы политики, экономики и культуры, сочетает военные и мирные методы достижения цели. А.А. Кокошин в работе «Актуальные вопросы трактата Сунь Цзы “Искусство войны”» подчеркивает, что «стратегическое искусство» Сунь Цзы, которое строится на обеспечении победы посредством «предварительного расчета» и разрушении замыслов противника невоенными средствами, широко применяется в современных китайских моделях обеспечения собственной национальной безопасности. Е.Н. Грачиков в работе «Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей» анализирует разнообразные способы влияния Китая на окружающий мир, в том числе используемое Китаем искусство смены стратегий — «стратегию заключения союзов» (1949–1979), «стратегию невступления в союзы» (1979–2009), новейшие стратегии в области безопасности, предлагаемые Пекином.

Что касается западных авторов, то специального внимания заслуживают работы А. Джонстона, И. Нойманна и Х. Хейка, Э. Лока, К. С Грея, К. Бута, Дж. С. Лантиса, И.А. Кляйна. Характерной чертой их работ является интерес к так называемой «стратегической культуре» Китая, историческому опыту Китая по выстраиванию отношений с остальным миром на основе использования ресурсов дипломатии, торговли, продвижения своих национальных интересов с опорой на военные и невоенные методы.

Среди китайских исследователей, работающих в этой тематической области, могут быть отмечены публикации Ли Цзицзюня, Гун Юйчжэня и Ван Нэнсяня.

Третья группа исследований включает в себя работы, характеризующие стратегию национальной безопасности КНР и фактор «мягкой силы» в китайской внешней политике.

Из работ российских авторов следует отметить коллективную монографию под редакцией Г.И. Чуфрина «Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности», в которой рассматривается вопрос о том, как Китай воспринимает свою безопасность в

условиях глобализации и какие меры принимает для ее обеспечения. Отметим также работы Г.С. Беляевой, Я.М. Бергер, М.В. Казанина, в которых проблематика национальной безопасности Китая рассматривается комплексно, с учетом аспектов политической, военной, экономической, информационной, экологической безопасности.

Из зарубежных исследований особое значение имеет работа американского политолога Джозефа Найя, автора концепта «мягкой силы». Работы М. Леонарда, Р. Дувалла, С. Льюкаса, Дж. Галларотти, Н. Фергюсона, Д. Ронфельдта создают серьезную теоретическую основу для дискуссии об использовании различных стратегий «мягкой силы» в обеспечении национальной безопасности.

Среди китайских авторов, которые пытаются адаптировать концепцию «мягкой силы» применительно к китайской специфике необходимо выделить Дань Шиляна, Чжан Гоцзо, Гао Чжаньсяна, Ли Минцзяна, Мэнь Хунхуа, Тан Фэнвана.

Анализ степени разработанности темы и совокупности связанных с ней проблемных вопросов позволяет сделать вывод о том, что проблема культурных стратегий Китая как инструмента обеспечения национальной безопасности частично и косвенно обозначалась в различных исследованиях, но есть необходимость проведения специального исследования о стратегиях культурного влияния КНР как средства достижения Китаем своих интересов в области национальной безопасности.

Объект исследования – национальная безопасность Китайской Народной Республики.

Предмет исследования – инструменты реализации культурных стратегий Китайской Народной Республики в практике международных отношений в контексте обеспечения национальной безопасности государства; особенности стратегической культуры этой страны.

Цель работы — исследовать стратегии культурного влияния Китая в качестве инструментов обеспечения национальной безопасности.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать развитие концепта «национальная безопасность» в официальных китайских документах, начиная с 1978 г. по настоящее время и охарактеризовать принятую в 2015 г. в КНР концепцию национальной безопасности и ее приоритеты.

2. Осуществить сравнительный анализ концепций национальной безопасности КНР, США и Российской Федерации.

3. Охарактеризовать развитие китайской стратегической мысли как средства обеспечения национальной безопасности и проанализировать понятие стратегической культуры как отражение нового этапа развития китайской стратегической мысли.

4. Представить культурные стратегии как еще одно средство обеспечения национальной безопасности, определить общую цель китайских культурных стратегий, выявить историко-культурные предпосылки современной культурной стратегии КНР, представить общий взгляд на китайские культурные стратегии и особенности китайской культурной дипломатии.

5. Проанализировать роль институтов Конфуция в качестве инструмента китайских культурных стратегий.

6. Охарактеризовать китайские экспертно-аналитические центры нового типа в качестве инструмента распространения китайского культурного влияния.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1978 г. по 2025 г. **Нижняя хронологическая граница** определяется датой начала осуществления политики «реформ и открытости» под руководством Дэн Сяопина. **Верхняя хронологическая граница** соотносится с текущим историческим моментом.

Источниковая база исследования. Цель и задачи исследования определили перечень источников, использованных в диссертационном исследовании.

1. **Источники официального происхождения** представлены законодательными актами (как внутригосударственными, так и международными), отчетами и докладами Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. В этой группе следует отдельно выделить речи политиков, в частности речь Си Цзиньпина. Источники официального происхождения использованы в исследовании для того, чтобы более точно прописать китайский контекст с 1980-х гг. по наши дни, а также оценить роль политического и культурного дискурсов в формировании стратегии национальной безопасности.

2. **Источники личного происхождения** включают мемуары, сочинения, трактаты на английском и китайском языках. Дневники и рукописи путешествий содержат уникальные сведения по истории и культуре Китая. При анализе источников личного происхождения важно учитывать индивидуальные психологические особенности автора, но именно они придают уникальность данному типу источника, так как иллюстрируют процесс формирования личности, ее идей и убеждений.

3. **Публицистические работы** Бо Яна, Лу Синя отражают глубокие размышления авторов о множественности и несходстве культур, о том, что каждая культура имеет свои уникальные особенности, своеобразные способы мышления и восприятия мира.

4. **Художественные произведения** не только отражают быт и менталитет своего времени, но и представляют собой определенную ценность для понимания настроения и нравов общества, политических и социальных процессов, важных исторических событий.

5. **Материалы СМИ** включают интервью с ведущими экспертами, анализ выступлений и речей представителей органов власти КНР, проработку актуальной повестки, связанной со стратегией национальной безопасности, опубликованные в таких китайских новостных изданиях как Информационное агентство Синьхуа, Информационное агентство Академии общественных наук КНР, Новости Коммунистической партии Китая, *Guangming Daily*, *People's Daily* и т.д.

Теоретико-методологическая основа исследования диссертационной работы опирается как на традиционные методы исторического исследования, так и на методологические принципы структуралистского и социально-конструктивистского социального анализа.

В исследовании широко используются общеисторические методы исследования, в том числе *историко-сравнительный метод*, с помощью которого проводится анализ как общих, так и особенных черт в изучении эволюции понятия «стратегия», концепции стратегической теории, а также содержания концепций «культуры» и «стратегической культуры» в китайской и западной традиции; *историко-генетический метод* помогает структурировать повествование и детализирует логику данного исследования. Достоинство метода заключается в соблюдении принципа историзма, позволяет рассмотреть механизмы и процессы становления культурных стратегий и национальной безопасности Китая, помогает изучить особенности традиционных аксиологических доминант.

Из специально-научных методов в работе используется метод *дискурс-анализа* — для анализа особенностей коммуникации на китайском языке. При написании диссертационного исследования за основу была принята теория дискурса по Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен. В ходе дискурс-анализа изучаются разнообразные аспекты языковой коммуникации, такие как тексты, беседы, диалоги и другие формы общения. Этот метод является важным инструментом для исследования языковой практики, понимания особенностей коммуникативного взаимодействия. В рамках диссертационного

исследования метод дискурс-анализа позволил выявить смыслы из официальных речей представителей органов власти КНР и опубликованных документов.

Научная новизна диссертационного исследования определяется источниковой базой, избранным методом, используемым для анализа источников, и междисциплинарным характером проблематики:

1. Впервые в отечественной исторической науке закладываются основы целостной концепции, основанной на синтезе структуралистского и социо-конструктивистского подходов к изучению культурных стратегий КНР как инструмента обеспечения национальной безопасности. Определены потенциал и перспективы китайской модели культурной дипломатии как одного из инструментов внешней политики.

2. Выделены основные этапы эволюции доктрины национальной безопасности КНР на рубеже XX - XXI вв. в контексте трансформирующегося миропорядка.

3. Созданы предпосылки для разработки инструментально-научной базы верификации параметров культурной политики КНР, используя метод дискурс-анализа. Уточнено содержательное наполнение и понимание таких понятий как «стратегия», «стратегическая культура», «национальная безопасность» в китайском интеллектуальном и политическом дискурсе.

4. В отечественной историографии впервые введены в научный оборот оригинальные, ранее не переведенные источники на китайском языке, в которых представлены новейшие концепты по вопросам стратегической культуры, ее аксиологическим основаниям в контексте национальной безопасности.

5. В исследовании впервые проводится компаративный анализ базовых положений доктринальных документов концепций национальной безопасности КНР, США и Российской Федерации с выявлением ключевых детерминант и принципов, определяющих стратегию ведения внутри- и внешнеполитической деятельности.

6. Новым и ценным научным результатом являются выявление идеологических и управленческих возможностей китайской элиты в реализации политики «мягкой силы», а также уточнение рисков, связанных с практиками культурной дипломатии КНР в рамках обеспечения национальной безопасности страны.

7. Использование многофакторного анализа позволило выявить специфику и разнообразие используемых политической и интеллектуальной элитой КНР инструментов (культурной дипломатии, информационных технологий, Институтов Конфуция, экспертно-

аналитических центров и др.) для продвижения национальных интересов Китая в контексте безопасности китайского государства.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Начиная с 1949 г. концепт национальной безопасности в общественно-политической мысли Китая постоянно эволюционировал, отражая изменения в китайской внешней политике. В 1978 г., после того как Китай сменил свою внешнеполитическую ориентацию с СССР на США, руководство страны взяло курс на стабильность и развитие и отказалось от выдвижения каких-либо инициатив на международной арене. В 1997 г. вопрос о национальной безопасности вернулся в повестку китайской политики, но лишь в форме вопроса о «национальной экономической безопасности». С приходом к власти в КНР Си Цзиньпина в 2012 г. вопросы национальной безопасности вышли на первый план, и в китайской общественно-политической мысли произошло существенное изменение понимания национальной безопасности. В ответ на изменения на международной арене в докладах китайского высшего политического руководства были выдвинуты инициативы о необходимости взятия на себя ответственности как в области региональной безопасности (2019 г.), так и в глобальной безопасности (2022 г.)

2. Принятая в 2015 г. современная концепция национальной безопасности является основополагающим доктринальным документом, выстроенным на основе гуманистического подхода. Это всеобъемлющая система теоретической мысли, опирающаяся как на традиционную китайскую философию, так и на социалистическую идеологию. Она декларирует, что национальная безопасность – это система, созданная в первую очередь для людей. Являясь следствием коренных изменений, происходящих в современном мире, прежде всего изменений в области цифровых технологий, данная концепция уделяет особое внимание вопросам кибер-безопасности. Кроме того, в данной концепции предусматривается обеспечение национальной безопасности и в других значимых областях, таких, как экономика, культура, экология, космическое пространство, Арктика, Антарктика и др.

3. Подобно США и Российской Федерации Китай как глобальная держава обладает собственной концепцией национальной безопасности. Сопоставление этих концепций показывает, что в своей концепции Китай стремится руководствоваться принципами сотрудничества между странами, избегает принятия чьей-либо гегемонии и отказывается от навязывания собственного превосходства другим народам. В данном плане китайская концепция весьма отлична от американской, где на первый план выходит

утверждение собственной гегемонии, создание альянсов, готовность к применению военной силы. Если американская концепция вытекает из культуры индивидуализма, характерной для американской культурной идентичности, то китайская — из противоположной ей культуры коллективизма. В этом аспекте китайская концепция имеет черты схожие с российской концепцией, которая также опирается на культуру коллективизма, являющуюся частью традиционных российских ценностей, и при этом делает акцент на сохранении государственности как главной цели российской концепции национальной безопасности.

4. Практика обеспечения национальной безопасности в Китае исторически связана с развитием искусства войны и стратегической мысли как его неотъемлемой составляющей. Зародившись во времена Сунь-цзы, стратегическая мысль в Китае достигла высокого уровня развития в период династии Цин, но в XIX в. вследствие поражения Китая в Опиумных войнах пережила упадок. Новый этап в ее развитии начался в XX в. в период гражданской войны КПК с Гоминьданом. Появление ракетно-ядерного оружия, конфликт с СССР в конце 1960-х гг., переориентация на США и обнаружение слабости вооруженных сил Китая в конце 1970-х гг. привели к исчерпанию возможностей стратегической теории, связанной с именем Мао Цзэдуна. Начавшийся в конце 1970-х гг. экономический рост и последующее превращение Китая в глобальную державу поставили перед военно-политическим руководством КНР задачу дальнейшего развития стратегической мысли. При Си Цзиньпине Китай стал серьезно наращивать свои стратегические наступательные вооружения. При этом осознание китайскими стратегами из НОАК серьезных последствий ядерной войны побуждает их задуматься об использовании не только военных, но и невоенных средств для обеспечения национальной безопасности страны.

5. Во второй половине 1970-х гг. среди военных теоретиков появилось понятие «стратегическая культура», которое стало свидетельством нового этапа развития стратегической мысли, связанного с широким распространением ракетно-ядерного оружия и осознанием последствий его применения. Возникнув в США и Великобритании, впоследствии оно стало разрабатываться Ли Цзицзюнем и другими китайскими специалистами. Под стратегической культурой обычно понимают культурно обусловленный тип стратегического мышления, хотя отдельные группы специалистов различаются в своих трактовках данного понятия. Анализируя особенности своего потенциального противника, а также особенности собственного народа и собственной армии, исследователи стратегической культуры воспринимают ее как культурный код, определяющий все формы человеческого поведения, связанные с войной. Применительно к

китайской стратегической культуре обычно выделяют те же особенности, которые характерны для китайской культуры в целом и господствующей в ней конфуцианской традиции: человечность, готовность переносить испытания, склонность к справедливости, доверие к авторитету, приверженность обычаям.

6. Развитие китайской стратегической мысли в начале XXI в. свидетельствует о том, что наряду с военными средствами обеспечения национальной безопасности китайские специалисты все больше внимания уделяют стратегиям невоенного, культурного характера. Следствием этого становится рост интереса к проблематике китайских культурных стратегий со стороны как военных, так и гражданских ученых. В интересе к китайским стратегиям можно усмотреть преемственность с политической традицией «умиротворения варваров», которая берет свое начало в классической китайской истории. В настоящее время исследование китайских культурных стратегий делает только первые шаги, поэтому следует признать, что их окончательное понимание еще далеко не сформировалось. На текущий момент можно отметить, что общей целью культурных стратегий Китая является формирование такой модели культурного развития человеческих отношений, которая берет за основу не модернизированную, а традиционную культуру. Китайские ученые обращают внимание на ее человекообразность и экологичность. Такими чертами, например, обладает китайская культура, которая, с их точки зрения, могла бы в этом плане оказаться привлекательной для остального человечества, поскольку она позволяет другим народам сохранить свою самобытность.

7. В современном Китае «мягкая сила» рассматривается как важный элемент внешнеполитической стратегии государства и неотъемлемая часть прогрессивного развития страны. Для достижения своих стратегических целей КНР активно использует национальные средства массовой информации, такие, как новостное агентство Синьхуа, Центральное телевидение Китая (ССТV) и Международное радио Китая (CRI). Кроме того, Китай постоянно укрепляет культурный обмен и организует диалог с другими участниками международных отношений, стремясь к плодотворному взаимному сотрудничеству. Для продвижения своих культурных инициатив за рубежом по инициативе КНР проводятся фестивали китайской культуры, организуются международные конференции с участием китайских делегаций, устраиваются масштабные мероприятия, на которых присутствует продукция китайских предприятий. Тем не менее до сих пор китайским СМИ тяжело конкурировать с западными, а иностранные потребители часто делают выбор в пользу западной культурной продукции.

8. Одним из наиболее успешных продуктов китайского культурного влияния за пределами КНР начиная с 2004 г. стала глобальная сеть институтов Конфуция. Ее создание – это первый успешный пример китайской культурной стратегии, реализуемой китайским государством. Популяризируя китайский язык и культуру, институты Конфуция выступают партнерами китайского бизнеса за рубежом и в рамках организуемых ими культурных мероприятий становятся площадкой для продвижения китайских коммерческих интересов. При этом институты Конфуция вовлечены в процесс формирования мышления у населения принимающих стран. Продвигая китайский язык и поощряя интерес к Китаю, институты Конфуция формируют огромную армию лиц, дружелюбно настроенных по отношению к Китаю и потенциально не готовых к конфронтации с Китаем. В строгом соответствии с «искусством войны» Сунь-цзы институты Конфуция добиваются победы над своими потенциальными противниками без боя. Тем не менее воплощаемая в их деятельности стратегия «мягкой силы» хорошо угадывается и другими участниками международных отношений. В США в последние 10-15 лет деятельность институтов Конфуция неоднократно подвергалась критике, а сами они массово закрывались.

9. Еще одним инструментом распространения китайского культурного влияния в мире стали экспертно-аналитические центры нового типа, пришедшие на смену старым центрам, действовавшим при университетах и занятым переработкой информации, поступающей извне. Созданные при поддержке государства, центры нового типа заняты продуцированием информации, призванной формировать положительный образ Китая в мире, а также распространять китайский взгляд на общий порядок вещей. Новые центры возникли в ответ на западное информационное давление на Китай и формирование у мировой общественности негативного образа Китая в условиях возрастающей конкуренции США и Китая, ставшей особенно сильной с 2016 г. Благодаря китайским новым центрам, мировая аудитория систематически получает возможность видеть общую картину вещей не так, как этого хотят на Западе. В отличие от институтов Конфуция китайские центры нового типа функционируют на территории Китая и не могут быть закрыты решением властей других государств. Вовлеченные в работу новых экспертно-аналитических центров коллективы специалистов, работающие в интересах китайского государства, заняты производством концептов и интеллектуальных конструкций, которые затем превращаются в язык внешней политики Китая.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты будут способствовать дальнейшему изучению роли культурных стратегий в области

национальной безопасности КНР. Кроме того, они могут использоваться для дальнейшего исследования проблематики культурного влияния на характер и содержание китайской внешней политики, а также для разработки культурно-ориентированных подходов к деятельности, связанной с организацией взаимодействия и сотрудничества России и Китая.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были апробированы в выступлениях на научных и научно-практических конференциях, в частности: Круглый стол (на английском языке) «Новые тенденции гуманитарного знания», Москва, РГГУ, 24 мая 2022 г.; II Международная научная ассамблея «Международное сотрудничество в целях устойчивого развития», Москва, МГУ им. Ломоносова, 4-7 октября 2022 г.; IX ежегодная конференция молодых ученых ФМОПиЗР «Анализ глобальных и региональных процессов: новые подходы и исследовательские практики», Москва, РГГУ, 6 декабря 2022 г.; I Межуниверситетская научная конференция «Новые горизонты гуманитарных исследований», Москва, РГГУ, 30 ноября 2023 г.

Структура исследования была обусловлена поставленной целью и задачами. Работа состоит из введения, основной части, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** автором были обоснованы актуальность и новизна выбранной темы, определено объектно-предметное поле, сформулированы цели и задачи исследования, обозначены хронологические рамки работы, проведен обзор историографического комплекса в рамках проблемы диссертационного исследования, рассмотрены используемые в ходе работы источники, приведены выносимые на защиту положения, выделена практическая значимость работы и обоснована структура исследования.

В **первой главе** «Доктрина национальной безопасности КНР» раскрывается история концепта «национальная безопасность» в китайских документах, характеризуется ее содержание и приоритеты, проводится сопоставление с аналогичными концепциями национальной безопасности США и Российской Федерации.

В *первом параграфе* «Эволюция концепта “национальная безопасность” в официальных китайских документах с 1978 г. по настоящее время» были рассмотрены три этапа развития доктрины национальной безопасности КНР: 1. С первых дней основания Китайской Народной Республики в 1949 г. до конца 1970-х гг.; 2. С конца 1970-х гг. до XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая в 2012 г.; 3. Со времени XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая в 2012 г. по 2024 г.

Первый период определяется традиционным пониманием концепции национальной безопасности, в основе которой лежит военная и политическая безопасность. Основными задачами национальной безопасности Китая были защита национальной независимости, суверенитета и территориальной целостности. В то же время КНР обозначила вектор своего внешнеполитического развития, выдвинув «Пять принципов мирного сосуществования», установила дипломатические отношения с Индией, Швецией, Мьянмой и другими странами.

В конце 1950-х гг. между КНР и СССР начались разногласия. К 1960-х гг. конфронтация между двумя социалистическими государствами заметно обострилась. Центральное правительство стало воспринимать Советский Союз как опасного противника. Чтобы защититься от угрозы со стороны СССР, Мао Цзэдун скорректировал свою дипломатическую стратегию и направил силы на разрешение конфликта с США. В 1972 г. Китай и США подписали Шанхайское совместное коммюнике, заложившее основу для урегулирования китайско-американских отношений. В результате, обстановка в сфере безопасности КНР значительно стабилизировалась, угрозы со стороны сверхдержав удалось избежать.

Второй период характеризуется серьезной трансформацией доктрины безопасности и переходом от традиционной концепции безопасности к нетрадиционной.

В конце 1970-х гг. Дэн Сяопин стал лидером партии во втором поколении, который взял курс на стабильность и развитие, что стало одним из факторов в изменении внутри- и внешнеполитической стратегии Китая. Кроме того, причиной переосмысления традиционного понимания концепции национальной безопасности выступила новая, набирающая обороты, мировая повестка в виде сепаратизма, экстремизма, терроризма, финансовых кризисов, транснациональной преступности и т.д.

Еще в период Дэн Сяопина большое внимание привлекла проблема так называемой «идеологической безопасности». Цзян Цзэминь унаследовал идеи Дэн Сяопина и в докладе к XV Всекитайскому съезду в 1997 г. предложил концепцию «национальной экономической безопасности».

В докладе XVI Всекитайского съезда КПК в 2002 г. появился тезис «традиционная безопасность и нетрадиционные факторы угроз безопасности переплетаются», что ознаменовало внесение нетрадиционных угроз безопасности в официальные документы.

Третий период характеризуется тем, что концепция национальной безопасности Китая была полностью переформатирована. В 2012 г. в КНР состоялся XVIII съезд КПК, на

котором главой партии и государства стал Си Цзиньпин и в Устав партии было записано положение об установлении в Китае «социалистического строя с китайской спецификой». Вместе с этим были сделаны первые шаги по изменению подходов в области обеспечения национальной безопасности. В 2014 г. по инициативе Си Цзиньпина концепция национальной безопасности КНР была расширена до концепции региональной безопасности. При этом был подчеркнут тот факт, что на международной арене сложилась новая ситуация, когда Восток находится на подъеме, а Запад переживает упадок.

В 2015 г. Си Цзиньпин выдвинул «Концепцию национальной безопасности», где безопасность в сфере культуры стала одним из одиннадцати заявленных направлений безопасности наряду с политической, территориальной, военной и научно-технической. В 2019 г. в ответ на американскую политику «возвращения в Азию» Китаем была предложена концепция «Национальной обороны Китая в новую эпоху», в которой заявлялось о китайской ответственности в азиатском регионе. В начале 2022 г., почти сразу же после объявления Российской Федерацией о начале СВО, Си Цзиньпин предложил расширить концепцию региональной безопасности до «инициативы глобальной безопасности», в которой Китай объявил о том, что его политическая ответственность, в особенности в плане миротворчества, распространяется на весь мир. В 2022 г. Си Цзиньпин выступил с докладом XX Всекитайскому съезду КПК. В рамках обновленной концепции национальной безопасности был взят курс на создание современной армии и модернизацию национальной обороны. В целом, период правления Си Цзиньпина стал временем существенной эволюции концепции национальной безопасности Китая и расширения представлений о пределах ответственности Китая за безопасность в самом широком масштабе.

Во втором параграфе «Действующая концепция национальной безопасности КНР и ее приоритеты» представлен анализ современной концепции национальной безопасности КНР, принятой в 2015 г.

Общая концепция национальной безопасности КНР – это основополагающий доктринальный документ, разработанный под руководством Си Цзиньпина в 2015 г., а также всеобъемлющая теоретическая система, которая опирается как на традиционную китайскую философию, так и на социалистическую идеологию. Предложенная Китаем в 2015 г. обновленная концепция является проявлением модернизации и «китаизации» марксистской мысли в области национальной безопасности и выстраивается на базе гуманистического подхода, декларирует, что национальная безопасность – это система, созданная в первую очередь для людей, а прочную основу ей может обеспечить именно опора на население, что

отражает традиционную конфуцианскую мысль о необходимости ответственности государства за свой народ.

Данная концепция подчеркивает важность обеспечения национальной безопасности во многих ключевых областях, таких как политическая, национальная, военная, экономическая, культурная, социальная, научно-техническая, информационная, экологическая, ресурсная и ядерная безопасность. Являясь следствием коренных изменений, происходящих в современном мире, прежде всего изменений в области цифровых технологий, данная концепция уделяет особое внимание вопросам развития научно-технической сферы. В ней отмечается, что Китай обязан быть готов ко всем вызовам в области развития искусственного интеллекта, баз данных, операционных систем, спутниковой связи.

Таким образом, принятая в КНР в 2015 г. общая концепция национальной безопасности представляет собой системную государственную стратегию. Стратегия призвана обеспечить национальную безопасность с учетом всех современных вызовов.

В третьем параграфе «Сравнительный анализ концепций национальной безопасности КНР, США и Российской Федерации» проводится сопоставление концепций национальной безопасности Китая, Соединенных Штатов Америки и России как трех глобальных держав, оказывающих наибольшее влияние на остальные страны.

Концепция национальной безопасности Китая содержит в себе комплексный (системный) подход к сфере безопасности. При этом она символизирует собой новый подход Китая к вопросам безопасности, пришедший на смену тем, что существовали с 1949 г. по 2012 г. Центральная идея, представленная в современной китайской концепции национальной безопасности, заключается в том, что поддержание национальной безопасности КНР основано не на поиске врагов и их уничтожении, а на сотрудничестве с другими странами.

Анализ концепции национальной безопасности КНР показывает, что она прочно связана с культурной традицией Китая и базируется на коллективистских началах и принципах сотрудничества и взаимодействия. Собственную безопасность КНР не отделяет от безопасности других стран и безопасности всего международного сообщества.

Главный оппонент Китая на современной международной арене, США, опирается на собственную концепцию национальной безопасности – «Стратегия национальной безопасности 2022». Ключевые идеи американской концепции сводятся к необходимости наращивания внутренних инвестиций, создания военных альянсов и модернизации

собственных вооруженных сил. Сопоставление китайской и американской концепций национальной безопасности позволяет отметить, что концепция национальной безопасности США придерживается атакующего характера.

По сравнению с предыдущими стратегиями национальной безопасности США в новой американской стратегии Китай определен в качестве «основного конкурента» и «крупнейшей геополитической проблемы». Кроме того, в стратегии отмечается, что Соединенные Штаты будут использовать свою возросшую мощь для предотвращения угроз со стороны Китая и России. США намерены укреплять свою глобальную гегемонию, выстраивать альянсы, сдерживать своих основных соперников в лице КНР и РФ. Логика, заложенная в фундамент американской концепции.

Третьим глобальным игроком современного мира является Российская Федерация, которая, борясь за сохранение своего национального суверенитета, стремительно вернула себе статус глобальной державы в самое последнее время. Подобно Китаю и США Россия в своей внешней политике также руководствуется концепцией национальной безопасности, которая в содержательном плане регулярно обновляется. Ныне действующая стратегия национальной безопасности России принята в 2021 г. В некоторых своих положениях российская концепция имеет точки пересечения с китайской и американской концепциями.

Приоритетной задачей стратегии национальной безопасности России является сохранение государственности, многонационального российского народа и его традиционных духовно-нравственных ценностей (коллективизма, семьи, религии, исторической памяти и др.). Отмечается, что в условиях трансформации современного миропорядка российскому государству следует быть готовым к ответу на многочисленные вызовы извне.

В российской концепции национальной безопасности в качестве основного источника угрозы национальному суверенитету обозначено НАТО во главе с США, которые призывают к сдерживанию России по всем направлениям ее развития. Следует отметить, что в ныне действующей концепции национальной безопасности проводится мысль об отказе от «построения партнерства с США» и «укрепления взаимовыгодного сотрудничества с Европейским союзом», что свидетельствует о переходе России к политике девестернизации.

Китай, США и Российская Федерация, безусловно, являются не просто суверенными государствами, но и глобальными державами. В отношении Китая это стало общепринятым мнением в последние 10-15 лет, в отношении Российской Федерации — в самые последние

годы. Этот факт находит свое отражение и в самом наличии у них доктринальных документов о национальной безопасности, и в содержании этих документов.

Во второй главе «Средства обеспечения национальной безопасности: стратегическое мышление, стратегическая культура и культурные стратегии» характеризуются основные компоненты обеспечения национальной безопасности, такие как стратегическое мышление, стратегическая культура и культурные стратегии.

В первом параграфе «Развитие китайской стратегической мысли как средства обеспечения национальной безопасности» характеризуется развитие «искусства войны» в Китае с периода возникновения стратегического искусства до настоящего времени. Прорабатываются понятия «стратегия», «стратегическое мышление» и «стратегическая теория».

Практика обеспечения национальной безопасности исторически всегда была связана с использованием военных методов решения этой задачи. В связи с этим важным аспектом стало развитие особого «искусства войны» или стратегического искусства.

«Искусство войны» Сунь-Цзы, написанное в период «Чуньцю» (VIII–V вв. до н. э.), считается самой ранней работой в истории Китая по общему стратегическому планированию. В китайской классической древности под «стратегией» понималось, прежде всего, искусство войны, позволяющее достигать цели в длительной военной кампании. У Сунь-цзы средствами для достижения этих целей считались планирование боевых действия с учетом знания местности, врага и своих возможностей, использование хитростей (стратагем). Несмотря на то, что искусство войны в духе Сунь-цзы продолжает сохранять свое значение по сей день, в развитии китайской стратегической мысли можно отметить некоторые перемены. Так, начиная с императора Канси (1654-1722 гг.) из маньчжурской династии Цин (1636-1912 гг.) цель стратегии (искусства войны) стала пониматься не столько как нанесение поражения противнику, сколько как обеспечение выживания государства как политического института.

В XIX в. стратегическая мысль в Китае пережила серьезные потрясения. Поражение Цинской империи в двух Опиумных войнах ввергло страну в полуколониальную зависимость от западных держав, а также продемонстрировало непригодность прежнего стратегического искусства. Стратегическая мысль Китая в лице конфуцианского ученого Вэй Юаня отреагировала на эти неудачи новым требованием «учиться у варваров их передовой технике, чтобы контролировать варваров». К концу XIX в. были предприняты первые шаги по внедрению западных военных технологий и созданию армии нового типа.

Падение Цинской империи и рождение республики вызвало перемены в стратегическом мышлении. Предложенная лидером Гоминьдана Сунь Ятсеном теория «трех народных принципов» (национализм, народовластие, народное благосостояние) вывела в центр китайской общественно-политической мысли вопрос о национальном суверенитете, национальном благополучии и, потенциально, о национальной безопасности. Преемник Сунь Ятсена в партии Гоминьдан Чан Кайши и его оппонент, лидер КПК, Мао Цзэдун обратились к тому, чтобы связать стратегическое мышление с проблематикой национальных интересов. В период социалистического строительства стратегическая теория Мао Цзэдуна была положена в основу государственной политики по защите национального суверенитета Китая. В 1960-е гг. для обеспечения обороноспособности страны в Китае впервые стало использоваться ядерное оружие и ракетная техника.

В начале 1970-х гг. Китай переориентировал свою внешнюю политику на сотрудничество с США, место главного противника КНР занял Советский Союз. Стратегическая теория, используемая в КНР со времен Мао, во многом себя исчерпала, и возникла необходимость в ее обновлении. Ставший во главе КНР в конце 1970-х гг. Дэн Сяопин предложил перейти на «путь строительства мирного времени». Китайское руководство сделало акцент на экономическом развитии страны.

Очередной этап развития стратегической мысли в КНР совпал с началом периода модернизации (после 1978 г.). Начавшийся в 1980-е гг. в Китае экономический рост позволил ее военно-политическому руководству задуматься об укреплении вооруженных сил. На рубеже XX и XXI вв. Китай приступил к наращиванию своего ракетно-ядерного потенциала, поставив своей целью к 2030 г. обогнать США по количеству ядерных боеголовок. При Си Цзиньпине была начата полномасштабная модернизация армии, целью которой стало превращение Китая в сильнейшую военную державу.

Сегодня, когда стали понятны фатальные последствия использования ядерного оружия, китайские стратеги при планировании вероятных военных конфликтов склоняются к тому, чтобы учитывать все виды ресурсов для достижения победы и защиты национального суверенитета — военные, экономические, политические, дипломатические. Новым явлением в развитии китайской стратегической теории стало широкое использование цифровых технологий и осознание необходимости использования невоенных средств. При этом стратегическая теория поднялась на такую высоту, что стала определять внешнюю политику государства. Признание китайскими стратегами очевидных трудностей в возможном противостоянии с США в предполагаемом военном конфликте в

очередной раз привело к изменению внешнеполитического курса КНР — стремительному сближению с Российской Федерацией во втором десятилетии XXI в.

Второй параграф «Понятие стратегической культуры как отражение нового этапа развития стратегической мысли» посвящен анализу понятия «стратегическая культура» и его характеристикам с позиций разных подходов. Кроме того, в нем представлена характеристика китайской стратегической культуры.

Стремительное развитие ракетно-ядерного оружия и превращение его в главное средство нанесения поражения противнику поставило перед военными теоретиками целый ряд сложных вопросов, касающихся того, каким образом избежать фатальных последствий его применения для собственной страны. По этой причине ракетно-ядерное оружие превратилось прежде всего в главный фактор сдерживания своих противников. Вместе с тем его наличие не отменило самих возможностей ведения войны с помощью конвенционального оружия. Для военных стратегов Китая наличие ракетно-ядерного оружия поставило на повестку дня те же вопросы, что и для военных теоретиков других стран, обладающих ядерным потенциалом.

Фактор ракетно-ядерного оружия вызвал к жизни и другие вопросы, касающиеся того, как возможно ведение конвенциональных войн в условиях, когда противник может использовать любые иные средства сдерживания или нанесения существенного ущерба. Совершенно по-новому зазвучали и старые вопросы из трактата об искусстве войны Сунь-цзы: что мы знаем о своем противнике? Что мы знаем о самих себе? В попытке найти ответы на эти вопросы военные стратеги и специалисты по стратегическому мышлению в 1970-е и 1980-е гг. усиленно начали изучать военные традиции и культуру своих потенциальных противников и свою собственную. Следствием этого стало появление понятия «стратегической культуры».

Сам термин впервые был предложен в 1947 г., когда в США была сформулирована «доктрина лидерства», но внимание широких военных и академических кругов, прежде всего в США и Великобритании, он привлек во второй половине 1970-х гг. В 1977 г. американский политолог Дж. Снайдер впервые дал определение понятия «стратегическая культура», трактуя его как общую сумму идей, эмоциональных реакций и привычных моделей поведения, характерных для того или иного общества, способного к использованию военной силы в отношениях с другим обществом.

Хотя в 1990 г. Дж. Снайдер решил отказаться от использования данного термина по причине избыточной широты его интерпретации, другие специалисты пришли к выводу о его полезности для дальнейшего развития стратегической теории.

Можно выделить несколько подходов в исследованиях феномена стратегической культуры. Так, первая группа исследователей (Дж. Снайдер, К. Грэй, К. Бут) определяет стратегическую культуру как независимую переменную, в полной мере детерминирующую политический курс страны. Согласно их точки зрения этой теории, рассчитав стратегический код той или иной страны, ее культуры или ее общества, можно определить действия государства в плане обеспечения им своей национальной безопасности. Другая группа исследователей (Р. Лакхам, Э. Холландер, Брэдли С. Клейн) согласна с тем, что стратегическая культура является независимой переменной, оказывающей влияние на принятие внешнеполитических решений, формируя определенный набор действий военно-политического руководства конкретной страны. Третья группа специалистов (Дж. Легро, А. Джонстон), которая заняла позицию близкую к неоклассическому реализму, придерживается мнения, что стратегическая культура – это зависимая переменная, оказывающая влияние на действия государства. Основными компонентами в оценке стратегической культуры являются физические, политические и социокультурные характеристики. Именно эти компоненты порождают отношение к использованию силы в международных отношениях, внешнюю политику страны и саму стратегическую культуру. Позиция четвертой группы исследователей во многом близка позиции представителей третьей группы, но они делают основной акцент прежде всего на роли социокультурных факторов, влияющих на содержание стратегической культуры. В четвертой группе исследователей преобладают китайские ученые и военные теоретики, которые изучают не только стратегическую культуру своего вероятного противника, но и стратегическую культуру собственной страны.

Изучение стратегической культуры Китая началось в 1980-х гг. Основоположником в изучении «стратегической культуры» является Ли Цзицзюнь (1934-2023) Он определяет стратегическую культуру как стратегическое мышление и теорию, сформированные на основе определенных исторических, национальных и культурных традиций, и использующие их для руководства стратегическим поведением и влиянием. Согласно Ли Цзицзюню, стратегическая культура определяет характер идеологии, исторического наследия, государственного устройства и региональных особенностей.

К настоящему времени специалисты НОАК и академические круги КНР добились существенных результатов в области изучения феномена стратегической культуры, рассматривая стратегическую культуру той или иной страны как глубинную матрицу поведения ее населения.

В третьем параграфе «Культурная стратегия как средство обеспечения национальной безопасности» анализируется связь между военными и культурными стратегиями, выясняется специфика и общая цель китайских культурных стратегий.

По мере развития цифровых технологий и роста многообразия отношений между странами все более важными средствами влияния на окружающий мир наряду с военными стратегиями стали считаться стратегии культурного влияния или культурные стратегии.

Китайские ученые понимают культурную стратегию как еще один вид стратегического воздействия, позволяющий добиться своих целей в отношениях с другими странами, но без использования грубой военной силы. В этом смысле китайские исследователи возвращаются к историческому истоку китайской стратегической мысли, Сунь-цзы, который полагал, что высшая цель военного искусства состоит в том, чтобы добиться невоенными средствами. Победить противника без боя, дезорганизовать его, обратить в свою веру, передать ему свой язык и иными способами «цивилизовать» — все эти рецепты более двух тысяч лет назад были предложены автором «Трактата о военном искусстве», и при этом они не потеряли своей актуальности в настоящее время, в условиях фактора ядерного сдерживания. На протяжении большей части китайской истории такой подход назывался «умиротворением варваров».

Культурная стратегия – это государственная политика, куда входит набор институциональных положений, норм, принципов, планов, действий, принятых в стране для осуществления идеологического, административного и экономического управления в сферах культуры и искусства, печати и издательского дела, радио, кино и телевидения, политики, образовании и т.д., который призван решать следующие задачи: пропагандировать и распространять достижения китайской культуры в мире, сообщать о ней вовне, продвигать китайскую «мягкую силу», сохранять самобытность национальной культуры. Использование культурных стратегий позволяет решать двуединую задачу — оказывать влияние на другие народы и страны и сохранять собственную культурную идентичность.

Учитывая тот факт, что исследование китайских культурных стратегий делает только первые шаги, следует признать, что их окончательное понимание еще далеко не

сформировалось. На сегодняшний момент можно отметить, что общей целью культурных стратегий Китая является формирование такой модели развития человеческих отношений, которая берет за основу не модернизированную, а традиционную культуру. При этом сами китайские авторы полагают, что в новейших условиях традиционная культура тоже претерпевает определенные изменения, но они не столь радикальны, как это характерно для модернизированной западной культуры. В частности, они обращают внимание на человекообразность и экологичность традиционной культуры. Такими чертами, например, обладает китайская культура, которая, с точки зрения китайских специалистов, могла бы в этом плане оказаться привлекательной для остального человечества, поскольку она позволяет другим народам сохранить свою самобытность.

В третьей главе «Основные инструменты реализации культурных стратегий КНР» проанализированы ключевые элементы культурных стратегий Китая в обеспечении национальной безопасности.

В первом параграфе «Доктрина “мягкой силы” и особенности культурной дипломатии Китая» предложен общий взгляд на китайские культурные стратегии и характеризуются особенности китайской культурной дипломатии.

В условиях глобализации и развития информационных технологий, китайские средства массовой информации выступают в качестве важного источника распространения культурного влияния на другие. В Китае создана медиа-система для распространения информации за рубежом, состоящая из новостного агентства Синьхуа, Центрального телевидения Китая (ССТV) и Международного радио Китая (CRI).

Кроме того, Китай постоянно укрепляет культурный обмен и организует диалог с другими участниками международных отношений, стремясь к плодотворному взаимному сотрудничеству. Например, для продвижения своих культурных инициатив в разных странах и регионах мира по инициативе КНР проводятся фестивали китайской культуры, организуются международные конференции с участием китайских делегаций, устраиваются масштабные мероприятия, на которых представлена продукция китайских предприятий, звучит китайская речь и присутствуют представители КНР.

Тем не менее, существуют и проблемы, с которыми сталкивается Китай в осуществлении политики культурной дипломатии. Во-первых, СМИ Китая хотя и охватывают широкий спектр областей, тем не менее не имеют достаточной силы и влияния, чтобы конкурировать с западными глобальными СМИ как лидерами в этой области. Во-вторых, в публичной дипломатии КНР прослеживается наличие идеологической

конъюнктуры, которая не всегда понятна для внешней аудитории. В-третьих, китайской модели культурной дипломатии не хватает инноваций, что приводит к культурным разрывам и тому, что иностранные потребители делают выбор в пользу западной культурной продукции и повсеместно продолжают доминировать западные культурные стандарты.

Второй параграф «Институты Конфуция как инструмент китайской культурной стратегии» посвящен вопросу о влиянии институтов Конфуция в реализации китайских национальных интересов за рубежом.

Одним из наиболее успешных продуктов китайского культурного влияния за пределами КНР начиная с 2004 г. стала глобальная сеть институтов Конфуция. Первый из них был открыт в Южной Корее, а вслед за тем аналогичные институты появились и в других странах, включая Российскую Федерацию. За последующие двадцать лет численность институтов Конфуция за рубежом постоянно росла. При этом общее количество иностранцев, вовлеченных в сеть институтов, в начале 2010-х гг. перевалила за 100 миллионов человек.

Создание международной сети институтов Конфуция – это первый успешный пример китайской культурной стратегии, который курируется непосредственно китайским государством, в частности Министерством образования КНР.

В своей официальной риторике администрация институтов Конфуция заявляет о готовности сотрудничества с местными университетами и культурными учреждениями. При этом институты Конфуция выступают партнерами китайского бизнеса за рубежом и в рамках организуемых ими культурных мероприятий становятся площадкой для продвижения китайских коммерческих интересов. Наряду с этим институты Конфуция вовлечены в процесс формирования мышления у населения принимающих стран, прежде всего у молодежи. Продвигая китайский язык и поощряя интерес населения других стран к Китаю, институты Конфуция по подобию западных, турецких и иных аналогичных институтов формируют огромную армию лиц, дружественно настроенных по отношению к Китаю и потенциально не готовых к конфронтации с Китаем. В строгом соответствии с «искусством войны» Сунь-цзы институты Конфуция добиваются победы над своими потенциальными противниками без боя.

В качестве инструментов, используемых для обеспечения национальной безопасности КНР, институты Конфуция, безусловно, являются удачным китайским изобретением. Тем не менее воплощаемая в их деятельности стратегия «мягкой силы»

хорошо считывается и другими участниками международных отношений. Особенно хорошо в этом качестве институты Конфуция были распознаны в США. На протяжении последних 10-15 лет их деятельность неоднократно подвергалась критике и в основном были закрыты. В условиях растущего экономического и геополитического соперничества между США и Китаем, ставшего особенно очевидным с 2016 г., политика властей США в отношении китайских институтов Конфуция стала еще одной из форм стратегического соперничества между этими глобальными державами.

В третьем параграфе «Экспертно-аналитические центры нового типа как инструмент распространения китайского культурного влияния» рассматривается роль в решении Китаем задач национальной безопасности.

Китай в последнее время занялся апробацией еще одной культурной стратегии. Она связана с продвижением положительной информации о Китае посредством экспертно-аналитических центров нового типа. Обращение китайских властей к тому инструменту обеспечения национальной безопасности является не случайным.

На фоне усиленного информационного давления, исходящего с Запада, Китай продолжает искать новые методы, которые смогли бы эффективно защитить его национальные интересы на глобальном уровне. Этот поиск начался, прежде всего, с осознания того, что даже процветающий и экономически развитый Китай имеет свои уязвимые стороны. При этом следует отметить, что это осознание было вызвано культурными стратегиями самого Запада — антикитайской риторикой в глобальных западных СМИ, политикой санкций и тарифов в отношении китайских товаров, назначением Китая на роль главного геополитического противника США в рамках американской доктрины национальной безопасности.

Использование Китаем экспертно-аналитических центров стало еще одним полезным изобретением, призванным обеспечивать национальные интересы Китая. Китай был вынужден реформировать старые экспертно-аналитические центры, функционирующие при университетах, поскольку они оказались непригодны для этих целей. Центры нового типа были созданы при поддержке государства и получили хорошее государственное финансирование. Их задачей стало не собирать информацию и продуцировать ее вовне. Китайские центры сосредоточили свою работу на подготовке экспертно-аналитических материалов, предлагающих миру китайское видение тех или иных проблем в Китае и за рубежом. Характерным примером такого рода информации стали регулярные отчеты о положении с правами человека в США и других западных странах. Такого рода

информация, подаваемая китайской стороной, может быть рассмотрена не только в качестве информационной альтернативы западной точке зрения, но и как средство обеспечения национальной безопасности Китая в условиях, когда информация является не менее разрушительным оружием, чем ядерные заряды.

Благодаря китайским новым экспертно-аналитическим центрам мировая аудитория систематически получает возможность воспринимать общую картину вещей не так, как этого хотят на Западе. Эволюция системы «мозговых центров» в Китае свидетельствует о важном вкладе, который они вносят в текущую политическую повестку. Вовлеченные в работу новых экспертно-аналитических центров коллективы специалистов заняты производством концептов и интеллектуальных конструкций, которые затем трансформируются в язык внешней политики Китая, становясь официальным дискурсом страны. По сравнению с институтами Конфуция, которые располагаются за пределами КНР, экспертно-аналитические центры нового типа функционируют на территории Китая и не могут быть закрыты решением властей других государств.

В **заключении** были подведены ключевые итоги исследования, приведены обобщающие выводы, в которых выделены ключевые инструменты культурных стратегий КНР в обеспечении национальной безопасности.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Публикации в рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных

ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Романова Е.А. Сущность и трансформация средневековой политической мысли Китая, как источника становления современных культурных стратегий КНР // Исторический бюллетень. 2022. Том 5. №4. С. 119-124. (0,5 п.л.)
2. Романова Е.А. Задачи культурной дипломатии как части стратегической культуры КНР // Международные отношения. 2023. № 3. С. 70-80. (0,7 п.л.)
3. Романова Е.А. Исследование культурной дипломатии КНР в работах китайских и западных исследователей // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2024. № 2. С. 77-88. (0,5 п.л.)
4. Романова Е.А. Сущность понятия «стратегическая культура» и ее роль во внешнеполитическом курсе КНР // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 116–129. DOI: 10.28995/2686-7648- 2024-4-116-129 (0,7 п.л.)